

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 84–107.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 84–107.

Научная статья / Original article

УДК 94(47).066:94(450).09

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-84-107

АВАНТЮРИСТЫ, ПОЭТЫ, РЕФОРМАТОРЫ: МИФ О ЕКАТЕРИНЕ II В ЗЕРКАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ВООБРАЖЕНИЯ XVIII ВЕКА

Джованни Пирари

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, pirari.giovanni@gmail.com

 Аннотация. Италия второй половины XVIII века представляла своеобразный архипелаг политических, социальных и языковых различий. В статье на литературном материале исследуется примечательный феномен того времени, когда этот архипелаг объединился в хоровое движение по сочинению од и посланий, обращенных к фигуре императрицы Севера Екатерины Великой. При этом целый рой од и стихов, посвященных ей, был адресован не столько реальной правительнице, сколько ее непостижимому мифическому персонажу. Кроме того, анализируются сведения о переписке и отношениях с Екатериной II двух самых блестящих и легендарных итальянских авантюристов: речь идет о Стефане Зановиче и Джакомо Казанове.

Ключевые слова: Италия, Российская империя, Екатерина II, Антонио Лоски, Джузеппе Парини, Витторио Альфьери, Джузеппе Кольпани, Стефан Занович, Джакомо Казанова

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Пирари Дж. Авантюристы, поэты, реформаторы: миф о Екатерине II в зеркале итальянского литературного воображения XVIII века // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 84–107. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-84-107.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

ADVENTURERS, POETS, REFORMERS:
THE MYTH OF CATHERINE II IN THE MIRROR OF THE ITALIAN LITERARY
IMAGINATION OF THE 18TH CENTURY

Giovanni Pirari

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, pirari.giovanni@gmail.com

Abstract. Italy of the second half of the 18th century represented a peculiar archipelago of political, social and linguistic differences. The article explores the remarkable phenomenon of the time when this archipelago united in a choral movement to compose odes and epistles addressed to the figure of Empress Catherine the Great of the North. At the same time, a whole swarm of odes and poems dedicated to her were addressed not so much to the real ruler as to her mythical character. In addition, the correspondence and relations with Catherine II of two of the most brilliant and legendary Italian adventurers is analyzed: Stefan Zanovich and Giacomo Casanova.

Keywords: Italy, Russian Empire, Catherine II, Antonio Loschi, Giuseppe Parini, Vittorio Alfieri, Giuseppe Colpani, Stefan Zanovich, Giacomo Casanova

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Pirari, G. (2023) “Adventurers, poets, reformers: the myth of Catherine II in the mirror of the Italian literary imagination of the 18th century”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 84–107. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-84-107.

Во времена Екатерины II Италия еще не существовала, поэтому не было ни судов, ни канцелярий, ни национальных учреждений, с которыми царица могла бы иметь «официальные» эпистолярные сношения. Не было ни королевства, ни итальянской нации, а были региональные государства, иногда с многовековой независимостью, иногда использовавшиеся в качестве разменной монеты различными европейскими державами.

Не было и национальных интеллектуалов, способных представить итальянский философский, политический и научный «прогресс», как это было с Вольтером во Франции. Страна была отсталой и находилась на периферии европейского Просвещения, а то и вовсе, за некоторыми исключениями, была невосприимчивой к нему.

И все же этот архипелаг политических, социальных и языковых различий объединился в хоровое движение сочинений, од, посланий, обращенных к фигуре императрицы Севера.

В Италии нет примеров настоящего личного эпистолярия с Екатериной II, такого как переписка с Вольтером — из-за ее необычного характера она была даже переведена на итальянский язык в 1799 году ¹, — однако мы наблюдаем рой од и стихов, адресованных не ей, а скорее ее мифическому персонажу, которые иногда принимают явную форму стихотворной эпистолы.

Возможно, из-за географической удаленности, а также из-за политической раздробленности полуострова, не позволившей литераторам найти близких к ним посредников, мы видим проявление индивидуальных инициатив по написанию писем, адресованных самым разным зарубежным посредникам: ко дворам Фридриха II, Марии Терезы Австрийской или к послам, которые считались близкими Екатерине. В некоторых случаях письма кажутся адресо-

¹ Франческо Бекаттини перевел «Переписку Екатерины II, Императрицы всея Руси, с господином де Вольтером» («Corrispondenza di lettere tra Caterina II, Imperatrice di tutte le Russie, e il Signore di Voltaire») (1799).

ванными непостижимой мифической фигуре, а не реальному человеку, как в случае с поэтом и авантюристом Стефаном Зановичем, который обращался к государю по имени, как к равному, как к чисто воображаемой фигуре.

Неоднородность отношения к Екатерине II обусловлена множеством целей, с которыми велась переписка с ней. Все зависело от потребностей обратившихся, продиктованных конкретной итальянской ситуацией. Это и запросы на освобождение, и стремление к обогащению, и запросы на покровительство и защиту со стороны просвещенной, культурной императрицы. Этот миф прошел через множество писем и рассказов.

Но что могло послужить резонатором для мифологизации фигуры Екатерины II, ставшей столь легендарной в такой далекой от Италии стране и к тому же периферийной в тогдашней политической и культурной жизни Европы? Причем настолько легендарной, что, как сказал Витторио Альфьери, «ее слава нас в наши дни так утомила» [Alfieri, 1861, p. 94].

Этому способствовала, в частности, активность российских интеллектуалов и дипломатов, приведшая к распространению положительного имиджа их страны в Италии. Альфьери свидетельствует, что когда он учился в Туринской академии, то слышал, как москвичи «очень превозносили» свою «зарождающуюся нацию» [Alfieri, 1861, p. 93].

Некоторые факты позволяют предположить, что это, вероятно, была преднамеренная пропагандистская попытка, направленная на распространение позитивного и, возможно, идеализированного образа России и императрицы. Своего рода «мягкая сила (soft power)»², которая могла быть использована для достижения стратегических геополитических интересов в Средиземноморье.

Стремительное вхождение России при Петре I на европейскую политическую арену изменило соотношение сил, особенно на севере континента. Для южных проектов монарх продумывал возможные коалиции с итальянскими государствами. В особенности Петра интересовало военно-морское сотрудничество с Венецианской республикой, а также с Великим герцогством Тосканским, представлявшим для него значение особенно из-за удобного порта в Ливорно. Однако от этих проектов Петра I отвлекла война против Швеции. После

---

² Я использую этот термин в том смысле, который придал ему его создатель профессор Гарвардского университета Джозеф Най в своих книгах [Nye, 1990; 2004] и в статье «Мягкая сила» и американо-европейские отношения». Най исходит из идеи, что в геополитическом атласе глобализированного мира должно доминировать не столкновение цивилизаций, а сложный механизм взаимозависимостей и способность вовлекать другие общества и страны в преследование собственных целей и интересов без необходимости использовать инструменты принуждения.

его правления интерес к заключению союза с итальянскими государствами возродился при Екатерине II (см.: [Талалай, 2017, с. 302–303]).

Политика Екатерины в Средиземноморье имела широкий размах: речь шла не только о достижении важных торговых территорий, но и об освобождении греческих и балкано-славянских земель от многовекового османского владычества.

Императрица осознавала необходимость иметь итальянских союзников в этих проектах. В то же время она считала итальянские государства заинтересованными в альянсе с северной империей.

Возможностью начать этот быстрый и обширный проект по созданию альянса стала новая война с Турцией, вспыхнувшая в 1768 году.

Присутствие русского флота в западных водах Средиземного моря требовало, конечно, хороших отношений с итальянскими государствами, давно имевшими военно-морские базы. Императрица намеревалась включить эти страны в антитурецкую коалицию.

Поначалу итальянские кабинеты холодно отнеслись к инициативам России, посчитав нецелесообразным вести дела с далеким и, по их (ошибочному) мнению, не очень влиятельным государством. Кроме того, в целом на тот момент эти государства практически не имели собственной внешней политики, предпочитая жить при существующем статус-кво в тени европейских сверхдержав (Франции, Англии и Австрии). Кроме того, они, и прежде всего Венецианская республика, не без оснований опасались турецкой «вендетты». Свою роль сыграл и религиозный фактор: в глазах итальянских католиков Россия была раскольнической страной, враждебной папскому Риму (см.: [Талалай, 2017, с. 303]).

Но Екатерина II не смирилась с этим недоверием к инерции со стороны государств полуострова и решила действовать энергично, чтобы ее дипломатическая стратегия была принята.

Первая попытка, предпринятая в Венеции братьями Алексеем и Федором Орловыми в 1768 году, провалилась, поскольку эта республика, владевшая в то время территориями на Балканах и некоторых островах Эгейского моря, опасалась, что подчиненные ей православные греки сделают выбор в пользу России (среди восточных христиан в то время уже укрепилось убеждение, что русский царь является их законным покровителем) [Талалай, 2017, с. 304].

Однако дипломатическая миссия в Тоскану в 1769 году оказалась успешной: императрица смогла привлечь православную общину Ливорно, сделав драгоценные дары местному греческому храму. Тосканский порт долгое время служил базой российского военно-морского флота.

Ключевым переломным моментом стала победа при Чесме (1770) и последующий Кючук-Кайнарджийский мирный договор (1774). «Европа была вынуждена признать за Россией статус морской державы» [Талалай, 2017, с. 304]. Россия приобрела право на беспрепятственный проход через проливы и свободное судоходство в турецких водах.

С этого момента дипломатические инициативы Екатерины обрели больший успех.

В 1777 году было принято двустороннее решение между Российской империей и Неаполитанским королевством об обмене послами [Сибирева, 1981].

Пьемонт, которому постоянно угрожали два могучих соседа — Франция и Австрия, — стал настойчиво искать поддержки у российской державы, стремительно завоевывавшей авторитет.

После вышеупомянутых колебаний были установлены полноценные двусторонние отношения с Венецией (см. [Смилянская И. М., Велижев, Смилянская Е. Б., 2011]). То же самое, при умелой дипломатической игре, произошло и с Генуей (см.: [Sinigaglia, 2002]).

В конце XVIII века итальянцы познакомились с новорожденной мощью северной империи. Сначала они увидели победоносный российский флот в своих морях, затем на своих землях победоносную регулярную русскую армию.

Наоборот, итальянцы тогда не воспринимались Россией как цельная нация. Вспомним знаменитый афоризм Меттерниха: «Италия — только географическое понятие» («Italien ist nur ein geographischer Begriff»). Россия, как и другие европейские державы, в то время не воспринимала итальянские государства как возможную политическую целостность, считая раздробленность полуострова чем-то естественным и даже полезным для европейского равновесия (см.: [Талалай, 2014; 2017, с. 309]).

Венеция, Тоскана, Пьемонт, Неаполь — дипломатическая стратегия Екатерины II отмечает этапы распространения мифа о ней, подтвержденного и усиленного военными победами против турецкой угрозы. Имя северной императрицы становится обещанием, которое выражается по-разному в зависимости от того, кто держит перо, чтобы написать ей, вернее, о ней и к ней.

При этом, на удивление, нет и следа от переписки непосредственно с Екатериной II: несмотря на геополитическое внимание к итальянскому полуострову и дипломатические усилия, императрица оставалась в стороне от всего этого. Возможно, потому, что, как и другие европейские государи, Екатерина II испытывала трудности в установлении дипломатических отношений с полуостровом, поскольку не могла обнаружить на итальянском полуострове единого политического образования.

Однако из этого архипелага политических, социальных и языковых различий возникает хор сочинений, од и эпистол, обращенных к фигуре северной императрицы.

Екатерина Великая была возведена в ранг главной героини посвященных ей произведений. Ее фигуру можно найти, например, в «Панегирике» («Elogio») (1792, Флоренция) Лодовико Антонио Лоски, известного своими одами папе Клименту XIV (1776), а также в шеститомном «Житии и хрониках Екатерины II, императрицы и самодержицы всея Руси» («Vita, e fasti di Caterina II, Imperatrice ed Autocratrice di tutte le Russie»), изданном анонимно в Лугано в 1797–1799 годах и написанном флорентийцем Франческо Бекаттини. Важнейшим средством прославления Екатерины Великой служила поэзия, принявшая гибридную литературную форму панегирика и одностороннего письма, называемую «стихотворная эпистола» или «послание в стихах» (см.: [Salvadè, 2019; Сальваде, 2017]).

Среди выдающихся поэтов Джузеппе Парини занял позицию безоговорочного признания императрицы. Сочиняя в 1777 году оду «La laurea» Пеллегрине Аморетти, только получившей диплом юриста, Парини отдал должное всему женскому полу, который достойно конкурирует с мужчинами даже в такой сложной сфере, как право (автор, вероятно, имел в виду «Наказ...» Екатерины), и восхвалял трех женщин, диктовавших законы с высоты престолов: императрицу Марию Терезию Австрийскую, королеву Марию I Португальскую и, конечно, саму Екатерину II [Parini, 2013]³.

Россия и императрица в то время так интересовали Парини, что он, кажется, планировал заняться созданием поэмы об «Империи русских царей» [Сальваде, 2017, с. 321]. Внимание Парини можно рассматривать как интересный сигнал растущего престижа Екатерины II и России, восприятия императрицы как щедрой правительницы, раздающей милости. Джузеппе Парини боролся с нищетой, жил переписыванием рукописей и принял священный сан, чтобы свести концы с концами, и даже тогда ему приходилось зарабатывать на хлеб репетиторством.

Другой великий поэт века — Витторио Альфьери — имел благородное происхождение и никогда не нуждался в благосклонности двора, чтобы жить в достатке. Он писал только ради искусства, был влюблен в идеалы свободы, которую он интерпретировал как в патриотическом смысле, так и в качестве руководства для своего поведения.

Мягкая сила Екатерины, по-видимому, не оказала на него длительного воздействия, особенно после того, как он непосредственно столкнулся с конкрет-

---

³ См.: [Сальваде, 2017, с. 321].

ной социальной ситуацией российского населения, контрастирующей с ее репутацией великодушного реформатора.

Соблазненный фантастическими историями о Петербурге и императрице, услышанными от московских завсегдатаев Туринской академии, и находящийся под положительным влиянием «Истории Петра Великого», написанной Вольтером, он посетил Петербург в конце мая 1770 года. Альфьери был не только глубоко разочарован видом города, но и отказался встретиться с Екатериной II, которую он резко критиковал по политическим и моральным причинам. «Чистейшая ненависть к тирании вообще» и его ужас перед «философствующей Клитемнестрой», обвинявшейся в заговоре с целью убийства супруга, подтолкнули его к спешному выезду из России.

От поездки в Россию, организации пребывания, приглашений и его «бесполезно дикого поведения», с которым он импульсивно отказался от приглашения императрицы, сохранились лишь две страницы его «*Vita scritta da esso*» — одного из первых примеров в итальянской литературе посланий потомкам, распространившихся в эпоху Просвещения, которые называются автобиографией [Alfieri, 1861]. Однако на полуострове, вдали от двора Екатерины, легенда о ней осталась нетронутой.

Джузеппе Кольпани пытался привлечь внимание царицы, написав стихотворение в 178-ми одиннадцатисложных стихах, посвященных «Величию Екатерины II, Императрицы всея Руси» («*Alla maestà di Caterina II Imperatrice delle Russie*»), после торжественного вступления, созданного под влиянием стихотворной эпистолы, которую Франческо Альгаротти адресовал Фридриху II Прусскому (см.: [Сальваде, 2017, с. 323].

Кольпани обращался к Екатерине, превознося ее «величайший ум» и «доблестный непобедимый дух» (строки 11–12). Ни одна тень не омрачает великолепия добродетелей императрицы: решительность, сила и мужество возвышают ее даже выше самого Петра Великого, сейчас она заслуживает титула «истинного Прометея»⁴.

С чередой военных успехов Екатерины II и распространением ее дипломатических представительств в Италии происходит увеличение количества хвалебных писем, которые позволяют нам увидеть формирование словаря хвалебных эпитетов, вновь и вновь появлявшихся в произведениях, посвященных Екатерине II. Она именовалась «величайшей», «августейшей», «бессмертной», «мудрой» и «сильной» (см.: [Componimenti poetici ... , 1771; Componimenti poetici ... , no date]).

⁴ Прометеем называли Петра Великого. Первым так назвал его Вольтер в книге «*Anecdotes sur le Czar Pierre le Grand*» (1748). Эпитет подхватил Франческо Альгаротти в «Письмах о России» (1760, первое анонимное издание). См.: [Сальваде, 2017, с. 323].

Не было недостатка и в тех, кто приветствовал ее как освободительницу женского пола. Например, поэтесса из Бергамо Паолина Секко Суардо Грисмонди значительно обогатила хвалебную лексику в адрес императрицы в своей стихотворной эпистоле 1788 года выражениями благодарности за освобождение женского пола от статуса вторичного (он, наконец, перестал быть «слабым»). Екатерину II, правящую огромной империей, она сравнивала с солнцем, заливающим светом поверхность земли. Грозную завоевательницу, но в то же время «богиню мира» поэтесса сравнивала с Юпитером. Грисмонди восхваляет императрицу как активную покровительницу искусств: благодаря ей на берегах Невы беспрестанно воздвигается «тысяча / величественных зданий» (строки 10–11) [Grismondi, 1788]⁵.

Еще один фантастический пример *captatio benevolentiae* в форме монументальной стихотворной эпистолы, где восхваление переходит в историческое и политическое посвящение, предлагает миланец Джузеппе Печис, который в 1787 году издал «Стихи во славу Екатерины II, Императрицы всея Руси и Королевы Тавриды» [Печис, 1787]. В поэме Екатерине II, наделенной чертами Афины Паллады (олицетворяющей умение мудро управлять) и Марса (символа военной мощи), воздавались почести за территориальные приобретения и труды на благо общества (развитие столицы, создание коллекции книг, научных интересов, поощрение искусств). Немало было также рассказано о «памятном походе» (XXIV, 3) 1787 года, то есть путешествии в Крым, которое императрица совершила для знакомства с недавно завоеванными областями Причерноморья: настоящее триумфальное шествие, обставленное с такой роскошью, что «Клеопатре Севера», по мнению Печиса, нечего было завидовать восточной.

Помимо отсылок к истории и мифологии (Ифигения, Ясон, Пантасилея, Помпей, Овидий), в поэме утверждалась связь между Россией и Римом. Российская империя нашла оправдание в упоминании Софьи Палеолог, великой княгини Московской и внучки императора Константина. Отсюда Екатерина II могла бы получить повод претендовать на наследие Византии, свержение Османской империи и возрождение Греческой империи со столицей в Константинополе (см.: [Сальваде, 2017, с. 327–328]).

Ответ на это поэтическое послание не сохранился. Это неудивительно, если учесть, что Екатерина II действительно могла быть довольна восхищением итальянских поэтов, но ей уж точно не требовалось получать поэтическое оправдание своим амбициям, хотя, конечно, распространение позитивного мифа, а также увеличение количества сочинений о ней и адресованных ей,

⁵ См.: [Сальваде, 2017, с. 325].

были полезны для ее геополитических планов. Наряду с этой разновидностью посланий, целью которых было прославить императрицу или, скорее, легенду, распространявшуюся о ней, мы находим очень специфический тип авторов, также тесно связанный с политически раздробленной и нестабильной итальянской ситуацией, — это авантюристы. Утонченные индивидуалисты, постоянно перемещающиеся из одного государства в другое, часто находящиеся в бегах под чужими именами, они всегда стремятся построить отношения с сильными мира сего, чтобы обеспечить себе защиту, деньги и престиж. Хорошо зарекомендовавшим себя способом привлечь внимание и благосклонность влиятельного человека были содержащиеся в их произведениях самоотверженные посвящения, которые они часто отдавали для печати различным типографиям, разбросанным на пути их странствий. Возможность рассчитывать на защиту влиятельного человека после посвящения в книге была своего рода пропуском, который позволил бы автору посвящения сиять в высоком обществе (а не только в местном). Это имело бы отклик в других странах и при других дворах. В те времена главным инструментом по-прежнему оставалась более или менее правдивая эпистолярная переписка с влиятельными лицами, которая также могла обеспечить авантюристу доверие и договорную силу там, где он нуждался в рекомендациях.

Мы имеем сведения о переписке и отношениях с Екатериной II двух самых блестящих и легендарных итальянских авантюристов: Стефана Зановича и Джакомо Казановы.

В неуловимой фигуре Зановича как бы воплощена вся противоречивость и раздробленность политической и социальной реальности Италии того времени: родом из Будвы, тогда входившей в Венецианскую Албанию, а ныне известной как Черногория, он написал еще в 1772 году, в возрасте 21 года, по-итальянски оду Екатерине II «Добрый гений человечества» [Zannovich, 1772]. Легендарный персонаж, в котором гениальность переходит в безумие, после беспокойного подросткового возраста покидает родину, чтобы продолжить обучение в Венеции и Падуе. Постоянно спасаясь от властей, постоянно меняя личность, он успевает обмениваться письмами с Екатериной II, от которой добивается помилования своих братьев Марко и Анибала: попав в России в собственность фаворита императрицы Семена Гавриловича Зорича в Шклове, они были арестованы за подделку денег и сосланы в Сибирь⁶. Занович всегда хвастался блистательными знакомствами, в частности с императрицей, выставляя напоказ настоящие или гипотетические письма, которыми обме-

⁶ О Зановиче см.: [Watzlawick, 1999; Biema, 1898–1899; Roth, 1980; Stroev, 1997, Mortier, 2000].

нивался с ней и с Фридрихом II, вставляя их везде, где только можно, в свои произведения и посвящая Екатерине некоторые из своих литературных произведений (см.: [Simeoni, 2017a; 2017b]).

Но когда Занович начинает писать дарственную записку, он шокирует читателя, и мы представляем себе адресата его слов. Взяв в качестве примера две его работы — «Турецкие письма» («Lettere turche») [Zannovich, 1776c] и «Épître pathétique» [Zannovich, 1783], — мы сталкиваемся с отношением, которое является совершенно высокомерным, колеблющимся и нестабильным:

Поэтому я обращаюсь с ними к Тебе и от Тебя Одной требую той Защиты, которая причитается Добродетели. Другие по большей части отдают ее Страстям, а Ты часто отдаешь Заслуге, которую чтешь и вознаграждаешь везде, где она встречается... Из угла, самого варварского в Европе, я, почти комета, роковая для тиранов, выхожу как Цензор Порока, и говорю с Тобой как Защитницей Добродетели... Я не посвящаю Книгу тебе, смиренный Писатель, но как гордый Панегирист Истины посылаю ее Тебе прочитать.

[Zannovich, 1776a]

Занович общается с российской императрицей так, как будто он равен ей, по имени, почти нагло, используя высокомерную терминологию. Он употребляет глагол «требовать», почти приказывает, чтобы присланную им книгу прочитала Екатерина II, а затем поднимается до ранга цензора порока, чтобы иметь возможность говорить на одном уровне с императрицей, которую он определяет как Защитницу Добродетели.

В «Турецких письмах» Занович возвращается к Екатерине II с письмом, противоположным по тону тому, что встречается в дарственной записке: в послании, представленном на с. 9–16, в определенном смысле он следует темам добродетели, раскрытым ранее, но еще больше превозносит победный характер императрицы, обращаясь к ней как к «Высочайшей и Августейшей Княгине Екатерине II Императрице всероссийской, Покровительнице всех искусств и наук и т. д. достойной своим Духом защищать чужие народы, как она достойна управлять своими собственными». Но затем, что невероятно, в письме к Фридриху II Прусскому он выставляет недавно восхваленную Екатерину II в дурном свете («Екатерина II ревнует к его добродетелям») и превозносит качества правителя («Кто более чем Фридрих II умеет претворить в жизнь столь великую Истину?»), но не переходит на тот доверительный тон, который он принял в разговоре с русской императрицей [Zannovich, 1776b]. Письмо, в котором Занович получает от короля сухой и бесперспективный ответ, он просто под-

писывает «Frédéric» [Frédéric, 1776]. Терпимость, проявленная правителями по отношению к далматинскому искателю приключений, удивительна, поскольку они, похоже, проигнорировали эти оскорбления, не сказав ему в ответ ни слова.

Впоследствии Занович вновь выразил стремление к покровительству со стороны Екатерины II. Он подчеркивает в одном из писем к Сакену: «Я желаю поехать в Россию, чтобы представиться Ее Величеству Императрице Екатерине II, от которой я надеюсь на многие блага, основанные только на ее благодетельном Гении...». И здесь у читателя возникает законное сомнение: если он не знает императрицу непосредственно — в чем мы не сомневаемся, — как смеет он обращаться к ней неофициально?

Другой авантюрист — Джакомо Казанова — обладал совершенно иным умом, тактом и осознанием собственных границ. Он умел обращаться к собеседнику, оборачивая ситуацию себе на пользу, часто изменяя ее постфактум в своих произведениях, но всегда сохраняя определенную почтительность, чтобы не рисковать полностью отношениями, которые могут оказаться благоприятными для собственной личности.

Где бы он ни находился, Казанова всегда усердно трудился, чтобы получить рекомендательные письма для своего следующего пункта назначения, всегда имел множество проектов, готовый представить их государю, у которого он мог попросить защиты.

Вот начало письма, написанного им Григорию Григорьевичу Орлову, русскому графу, близкому к Екатерине II:

Не имею чести быть известным Вашему Превосходительству, и, не найдя средств сделать это, тысячу раз прошу у вас прощения, если осмелюсь представиться вам прямо и добуду для этого письма привилегию развлечь вас на мгновение... поэтому позволю себе, рассчитывая на такую доброту, адресовать эту память вам, чему я желаю счастья быть увиденным Его Императрицей Величеством, если ваша пронизательность сочтет меня достойной такой высокой привилегии.

[Casanova, 1969]

Затем начинается презентация проекта календарной реформы. Это письмо, столь хорошо продуманное, должно быть, возымело эффект. Граф Орлов, известный в Венеции тем, что был отправлен с дипломатической миссией Екатериной II (см.: [Талалай, 2017, с. 304]), был личностью очень близкой к императрице и, возможно, выступал в качестве посредника, позволившего Казанове представить свой проект реформы непосредственно ей.

Помимо славы Казановы, известного при многих дворах Европы как человек очень ученый и полиглот ⁷, с любезными манерами и наделенный удивительной памятью, на графа Орлова, несомненно, повлияла также более или менее открытая защита, которой пользовался авантюрист среди патрициата Венеции.

В сентябре 1764 года Казанова уехал в Петербург. Он пробыл там почти год, до осени 1765-го, несколько раз встречался с Екатериной II, подробно обсуждал с ней реформу русского календаря и введение национальной лотереи в качестве инструмента государственного финансирования.

К сожалению, большинство документов Казановы, включая его переписку, до сих пор лежат неисследованными в коллекции рукописей, сохранившейся в Богемии в Мнихово Градиште (Mnichovo Hradiště), куда Вальдштейнский архив был перенесен после национализации феодальных владений в рамках нового чехословацкого государства. Здесь был найден неизвестный драгоценный эпистолярный труд, написанный Казановой от руки на итальянском языке, полное название которого следующее: «Прозопопея — Екатерина II, императрица всероссийская, на похвалу, данную ей французским панегиристом и впоследствии переведенную на тосканский язык и напечатанную в Венеции Джаммарией Бассальей в благодатный 1773 год, так отвечает». Под заглавием «Прозопопеи» фактически находятся только первые 23 страницы, а последние 12 относятся к самостоятельному исследованию русского календаря, поскольку он отличается от европейского. Произведение представлено в эпистолярной форме: в заглавии написано: «Екатерина II... так отвечает». В отличие от более или менее риторических восхвалений, сочиненных сотнями авторов в XVIII веке и обращенных к государю придворными, надеявшимися таким образом получить должность, здесь автор не представляется подобострастно и настойчиво, а даже делает вид, что сама Екатерина II является автором этих страниц, представляя себя от первого лица, в своеобразном автопортрете. Этот литературный прием, согласно канонам классической риторики, определяется как прозопопея.

Поводом для написания этой статьи, вероятно, послужил тот факт, что между 1770 и 1775 годами Россия была модной во всей Европе. После впечатляющей победы российского флота над турками в 1770 году Россия, до этого игнорировавшаяся Западом, внезапно стала объектом восхищения и прослав-

---

⁷ Несмотря на его репутацию соблазителя, библиография сочинений Казановы включает, помимо «Истории жизни», 43 печатных произведения, часть из них в нескольких томах посвящена историческим, а также научным, математическим и экономическим темам. См.: [Straub, 1978].

ления. Прежде всего Санкт-Петербург с его грандиозными возможностями становится ориентиром для художников, писателей и ученых. Казанова, ныне почти опустошенный, вероятно, с ностальгией вспоминает роскошное пребывание в 1765 году и, несомненно, думает и о возможности возвращения, возможно, желая щедро оплачиваемого задания.

Даже во время изгнания из Венеции он не терял связь с важными людьми, напоминая им о своем глубоком знании русских дел. Например, он возобновляет контакт с Ламбро Маруцци, итальянцем, которого он встретил в то время в Санкт-Петербурге, когда тот был советником Екатерины II, а сейчас пребывал в Венеции поверенным в делах России. Казанова подарил ему экземпляр своего «Опровержения истории венецианского правительства Амело де ла Уссэ» («Confutazione della storia del governo veneto d'Amelot de la Houssaie») — произведения, в котором Казанова восхваляет не только венецианскую политику, но и русскую политику при Екатерине II. Идея написать мемуары о Екатерине II, возможно, была продиктована прагматическими намерениями. О том, что Казанова думал о создании условий для нового пребывания в России, свидетельствует письмо, отправленное ему другом-итальянцем Козимо Маси, также проживавшим некоторое время в Санкт-Петербурге. Ссылаясь на сведения, содержащиеся в письме Казановы, которое, к сожалению, было утеряно, Маси ответил в апреле 1773 года: «Благодарю вас от всего сердца за интерес, который вы принимаете к доказательствам доброты, полученным от моей прославленной русской благодетельницы...» [Casanova, 1769].

Как бы возобновляя прерванную дискуссию, во второй части текста «Прозопопеи» содержится обсуждение астрономических рассуждений относительно календарных проблем. Те, кто знаком с хроникой русской поездки Казановы в десятом томе его «Histoire de ma vie» [Casanova, 2004], тотчас вспомнят, что именно эту тему обсуждали Казанова и Екатерина II во время пребывания в Санкт-Петербурге. Заглавие этой второй части: «Прошение депутата Литературной республики, вынесенного на глубокий суд Императрицы Всея Руси Екатерины II с целью приведения русского календаря в соответствие с европейским» («Istanza di un deputato della repubblica letteraria, esposta al profondo giudizio dell'imperatrice di tutte le Russie Ecaterina II ad oggetto di rendere il calendario russo conforme all'europeo»). Здесь отброшена выдумка императорского автопортрета. Вместо него присутствует послание, в котором «депутат Литературной республики» обращается к государю с предложением реформы.

В своем «Прошении» он как ученый ⁸ призывает просвещенного государя приспособить отсталый русский календарь к европейскому. Объяснив астрономические и исторические аспекты проблемы и подчеркнув огромную важность реформы для экономики страны, он предлагает свою формулу адаптации. Он исключает радикальное решение, то есть отмену 11 дней (в XVIII веке уже была заметна разница в целых 11 дней!), поскольку это привело бы к значительным осложнениям, особенно в экономической области. Вместо этого он предлагает элементарную, но более элегантную процедуру, структурированную во времени и позволяющую избежать каких-либо последствий в общественной жизни. России, которая также считает дни, как и остальная Европа, придется игнорировать следующие 12 високосных лет и считать их нормальными. Таким образом, за каждый пропущенный високосный год накопленная разница по сравнению с европейским календарем будет уменьшаться на один день, пока не исчезнет.

К сожалению, мы не знаем, насколько точно «Прошение» воспроизводит идеи, изложенные Казановой в Санкт-Петербурге десятью годами ранее. Но в «Histoire...» он говорит, что императрица, по-видимому, не была убеждена в обоснованности этого предложения. Встречи Казановы с императрицей остаются загадочными и неуловимыми, как и всё в его блестящей жизни. Он по крайней мере дважды бывал при ее дворе, даже останавливаясь на несколько дней в помещениях, отведенных для императрицы. Он предложил ввести в России государственную лотерею, реформировать календарь, приспособив его к европейскому, но единственным следом их встреч остались страницы его «Histoire...».

Интересное диалектическое противоречие, кажется, присуще отношениям между императрицей и итальянским полуостровом. С одной стороны, решительное желание присутствовать, даже навязывать свое присутствие настойчивыми и агрессивными дипломатическими действиями, достижение большого успеха в распространении образа собственного мифа; с другой стороны, постоянное отсутствие ее личности. Наиболее показательным примером этих противоречивых отношений являются отношения с интеллектуалом эпохи Просвещения Чезаре Беккариа, прославившимся на всю Европу публикацией текста «О преступлениях и наказаниях» [Beccaria, 1765] и приглашенным императрицей для участия в реформе российского законодательства ⁹.

⁸ Казанова в своих трудах также предлагал решения известных математических задач и демонстрировал прекрасные астрономические и естественнонаучные познания. См.: [Henry, 1882; Caglioti, 1998]. Казанова также написал научно-фантастический роман, в котором описал воображаемое путешествие к центру Земли, предвосхищая тем самым творчество Жюль Верна [Casanova, 1788].

⁹ Подробнее см.: [Mauri, 1933; Venturi, 1953; Cizova, 1961–1962; Berkov, 1966;]. О трактате Беккариа в русской культуре см.: [Gherbezza, 2007].

Даже в этом случае общение происходило опосредованно, через итальянского учителя танцев при дворе в Санкт-Петербурге или через цепочку итало-французских контактов (журналистов, торговцев, финансистов, друзей французских приближенных императрицы). Даже запись общения между ними, хотя и длинная, и подробная, составленная из переговоров о цене, командировочных расходах, колебаний, потери терпения со стороны Екатерины, дошла до нас не из непосредственной переписки, а из воспоминаний о друге Беккариа Пиетро Верри.

Флорентиец Гаспаре Анджелини, недавно поселившийся в Санкт-Петербурге, где он служил учителем танцев, писал Беккариа, что Екатерина II высоко оценила его книгу во французском переводе, выполненном Андре Морелле (см.: [Спаджари, 2017; Venturi, 1953]). Беккариа в принципе был готов принять приглашение императрицы. Он выдвинул множество претензий, выдававших его нерешительность по поводу шага, который казался ему слишком ответственным. Среди прочего он поставил условие оплатить сопровождение жены, а также путевые расходы на длительную поездку в Россию, включавшую посещение Парижа и Лондона. За ходом переговоров Беккариа с Екатериной II пунктуально следил и комментировал их Пьетро Верри, который сообщил детали своему брату Алессандро [Viaggio a Parigi e Londra ... , 1980]¹⁰. Информатором Пьетро при этом служил миланский граф Антонио Греппи, крупный финансовый делец (генеральный подрядчик на сбор государственных не прямых налогов), который вел переписку с Пано Маруцци, русским деловым агентом в Венеции, в свою очередь связанным с И. П. Елагиным, доверенным лицом Екатерины II (см.: [Спаджари, 2017, с. 318]). В данном случае его переписка с Беккариа представляет собой совершенно запутанный лабиринт, исключая прямой контакт между двумя заинтересованными сторонами, остающимися на концах этой удивительно плотной цепочки посредников.

Так прошел целый год в бесполезных переговорах, проводившихся главным образом через третьих лиц, а два письма Беккариа, отправленные Екатерине II в мае и в начале октября 1767 года, были безвозвратно утеряны. В октябре 1767 года сама императрица, потеряв терпение, отказалась от помощи Беккариа [Спаджари, 2017, с. 318]. В любом случае положения книги «О преступлениях и наказаниях» переключались в «Наказ...», данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Десятая глава «Наказа...», самая обширная и подробная, посвящена уголовному суду и содержит многочисленные отсылки на идеи Беккариа. Подсчет показывает, что из 524 статей «Наказа...» более сот-

¹⁰ См.: [Спаджари, 2017, с. 318].

ни взяты из книги Беккариа, а десятая глава целиком взята из неполного перевода «О преступлениях и наказаниях», сделанного Г. В. Козицким [Спаджари, 2017, с. 318] ¹¹.

В этих эпистолярных свидетельствах, связанных с Екатериной II, мы можем прочесть всю фрагментарность и противоречивость отношений между императрицей и Апеннинским полуостровом. Мы видели, что для Екатерины II это было одновременно важно с точки зрения ее геополитических интересов и абсолютно безразлично как субъекту унитарной политики; можно наблюдать распространение дипломатических инициатив, быстрое распространение мифа о ней, поставленного в центр десятков публикаций и хвалебных писем, и в то же время ее отход в недостижимую даль, всегда за множеством разного рода посредников, скрытость за маской собственного мифа.

В письмах и воспоминаниях отражены отдельные судьбы людей самого разнообразного призвания на фоне раздробленной и противоречивой страны — как геополитически центральной, так и периферийной по отношению к основным культурным движениям XVIII века, собранные воедино, чтобы сформировать картину упущенного эпистолярного с легендарной, почти воображаемой фигурой императрицы России.

Список источников

Печис Джузенне. Versi in lode di Caterina II Imperatrice delle Russie e Regina della Tauride, Милан: Тип. монастыря св. Амвросия, 1787.

Сальваде А. М. Екатерина II и итальянские поэты второй половины XVIII века // *Petro primo, Catharina secunda: два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы, материалы VIII Международного Петровского конгресса, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года*. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 320–330.

Сибирева Г. А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М.: Наука, 1981.

Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье: Архипелагская экспедиция Екатерины II. М.: Индрик, 2011.

Спаджари Уильям. Петр Великий, Екатерина II и «Миланская школа» // *Petro Primo Catharina Secunda. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года*. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 310–319.

---

¹¹ См: [Cizova, 1962].

Талалай М. Г. Итальянский вектор внешней политики России в XVIII столетии // *Petro primo, Catharina secunda: два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы, материалы VIII Международного Петровского конгресса, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года.* СПб.: Европейский дом, 2017. С. 302–309.

Талалай М. Г. Русская армия в Италии в 1799 г.: Освобождение или оккупация? // *Россия — Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках.* СПб.: Алетея, 2014. С. 45–54.

Alfieri V. Vita scritta da esso // Alfieri V. Vita Giornali Lettere. Firenze: Le Monnier, 1861. P. 93–95.

Beccaria Cesare. Dei delitti e delle pene. Lausanna [i.e. Livorno]: [Marco Coltellini], 1765.

Berkov P. Cesare Beccaria e la Russia // Atti del Convegno internazionale su Cesare Beccaria (Torino, 4–6 ottobre 1964). Torino: Accademia delle Scienze, 1966. P. 253–277.

Biema Eduard van. Stiépan, Annibale, Prince d'Albanie. Un aventurier au XVIIIe siècle, d'après des documents inédits des archives d'Amsterdam // La Nouvelle revue. 1898. Vol. 20, no. 114. P. 498–518, 683–700; 1899. Vol. 21, no. 115. P. 88–107.

Caglioti Vincenzo. Casanova e la scienza. Bergamo: Moretti e Vitali, 1998.

Casanova G. Confutazione della Storia del Governo veneto D'Amelot de la Housaie. Divisa in tre Parti (I parte). Amsterdam: Presso Pietro Mortier, 1769.

Casanova G. Histoire de ma vie. Édition intégrale, Wiesbaden-Paris, Brockhaus-Plon, 1960–1962 / Trad. it. di P. Chiara e F. Roncoroni. Storia della mia vita. A cura di Piero Chiara e Federico Roncoroni. [Milano]: Mondadori, 2004.

Casanova G. Icosameron ou histoire d'Edouard, et d'Elisabeth qui passèrent quatre-vingts ans chez les Mégramicres habitante aborigènes du Protocosme dans l'intérieur de notre globe, traduite de l'anglois par Jacques Casanova de Seingalt Vénitien Docteur ès lois Bibliothécaire de Monsieur le Comte de Waldstein seigneur de Dux Chambellan de S.M.I.R.A. Prague, 1788.

Casanova G. Lettera del settembre 1765 // Casanova G. Epistolario [1759–1798] / A cura di P. Chiara. [Milano]: Longanesi, [1969]. P. 35.

Cizova T. Beccaria in Russia // The Slavonic and East European Review. 1962, Jun. Vol. 40, no. 95. P. 384–408.

Componimenti poetici di varj autori in lode di Caterina II, augustissima imperatrice di tutte le Russie. Napoli: Rinaldi, 1771.

Componimenti poetici di varj autori in lode di S. E. il Signor Conte Alessio Orlow, plenipotenziario e comandante supremo delle arme russe in Levante. [No date].

Frédéric. Lettera VI. Du Roi de Prusse au Comte de Zannowick // Zannovich S. Lettère turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio. Costantinopoli, 1776. P. 73–74.

Gherbezza E. «Dei delitti e delle pene» nella traduzione di Michail M. Scerbatov. Firenze: University Press, 2007. P. XV–XXXI.

Grismondi Secco Suardo P. A Caterina II Imperatrice di tutte le Russie. Parma: Bodoni, 1788.

Henry Charles. Les connaissances mathématiques de Jacques Casanova // *Bullettino di storia e bibliografia delle scienze matematiche.* 1882. Vol. 15. P. 637–669.

Mauri A. La cattedra di Cesare Beccaria // *Archivio storico Lombardo.* 1933. Vol. 60. P. 204–225.

Mortier Roland. Le “Prince d’Albanie.” Un aventurier au siècle des Lumières. Paris, 2000.

Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

Opere del Cavaliere Giuseppe Colpani di Brescia. Nuova, e compita edizione. 5 voll. Vicenza: Turra, 1784–1794. Vol. II.

Parini G. Odi / A cura di M. D’Ettorre, introduzione di G. Baroni. Pisa-Roma: Serra, 2013.

Roth Suzanne. Aventure et aventuriers au XVIIIe siècle. Un essai de sociologie littéraire. Lille, 1980.

Salvadè A. M. “Augusta dominatrice del Nord”: Caterina II nell’immaginario letterario italiano del Settecento // *Studi sul Settecento e l’Ottocento.* 2014. No. 14. P. 25–37.

Simeoni Gianluca. Da pari a pari. Il rapporto con i potenti di due avventurieri: Stjepan Zannovic e Giacomo Casanova // *L’Italianistica oggi: ricerca e didattica. Atti del XIX Congresso dell’ADI — Associazione degli Italianisti (Roma, 9–12 settembre 2015)* / A cura di B. Alfonzetti, T. Cancro, V. Di Iasio, E. Pietrobon. Roma: Adi editore, 2017a.

Simeoni Gianluca. Le lettere mai spedite o quasi di due avventurieri. La finzione epistolare nell’attività letteraria di Giacomo Casanova e Stjepan Zannowich // *Le carte false. Epistolarità fittizia nel Settecento italiano* / A cura di Fabio Forner, Valentina Gallo, Sabine Schwarze, Corrado Viola. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2017b.

Sinigaglia R. Rapporti diplomatici fra Russia e Genova. La missione Mordvinov (1782–1786). Genova: Coedit, 2002.

Straub Enrico. Rapporti di Giacomo Casanova con i paesi del Nord. A proposito dell’inedito “Prosopopea Ecaterina II” (1773–74). Venezia: Centro Tedesco di Studi Veneziani Quaderni, 1978.

Stroev Alexandre. Voltaire et les aventuriers de la République des Lettres // *Voltaire et ses combats: actes du congrès international, Oxford-Paris, 1994* / ed. by Ulla Kölving, Christiane Mervaud. Oxford, 1997. Vol. II. P. 1227–1236.

Venturi F. Beccaria in Russia // *Il Ponte*. 1953. Vol. 9. P. 163–174.

Viaggio a Parigi e Londra (1766–1767). Carteggio di Pietro e Alessandro Verri / A cura di Gianmarco Gaspari. Milano: Adelphi, 1980.

Watzlawick Helmut. Bio-bibliographie de Stefano Zannowich. Geneva, 1999.

Zannovich S. Il genio buono dell'umanità. Ode a sua M. I. Caterina II Imperatrice di tutte le Russie. Parigi, 1772.

Zannovich S. Lettera a Catterina [sic] II. Imperatrice di tutte le Russie // *Zannovich S.* Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio. Costantinopoli, 1776a. P. I–V.

Zannovich S. Lettere Turche. Lettera IV. A S.M.P. Federico II. il Grande // *Zannovich S.* Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio. Costantinopoli, 1776b. P. 63–64.

Zannovich S. Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio. Costantinopoli, 1776c.

Zannovich S. Stiepan-Annibale d'Albanie, à Frédéric-Guillaume de Prussie. Épitre Pathétique, Philosophique, Historique, &C. ou L'Alcoran des princes destinés au trone, Traduit de la dixième Édition Italienne, par main de Maître. St. Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale, 1783.

References

Pechis, Dzhuzeppe (1787) *Versi in lode di Caterina II Imperatrice delle Russie e Regina della Tauride*, Milan: Tip. monastyrja sv. Amvrosija.

Salvadè, A. M. (2017) “Ekaterina II i ital'janskije pojety vtoroj poloviny XVIII veka” [“Catherine II and Italian poets of the second half of the 18th century”], in *Petro primo, Catharina secunda: dva monarha, dve jepohi — preemstvennost', razvitie, reformy, materialy VIII Mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 10–11 ijunja 2016 goda* [*Petro primo, Catharina secunda: two monarchs, two epochs — succession, development, reforms, materials of the 8th International Petrovsky Congress*]. St. Petersburg: Evropejskij dom, pp. 320–330.

Sibireva, G. A. (1981) *Neapolitanskoe korolevstvo i Rossija v poslednej chetverti XVIII v.* [*The Kingdom of Naples and Russia in the last quarter of the 18th century*]. Moscow: Nauka.

Smiljanskaja, I. M., Velizhev, M. B., Smiljanskaja, E. B. (2011) *Rossija v Sredizemnomor'e: Arhipelagskaja jekspedicija Ekateriny II* [*Russia in the Mediterranean: The Archipelago expedition of Catherine II*]. Moscow: Indrik.

Spadzhari, Uil'jam (2017) “Petr Velikij, Ekaterina II i «Milanskaja shkola»” [“Peter the Great, Catherine II and the Milan School”], in *Petro Primo Catharina Secunda. Dva monarha, dve jepohi — preemstvennost', razvitie, reformy. Materialy VIII Mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 10–11 ijunja 2016 goda* [*Petro primo, Catharina secunda: two monarchs, two epochs — succession, development, reforms, materials of the 8th International Petrovsky Congress*]. St. Petersburg: Evropejskij dom, pp. 320–330.

dunarodnogo petrovskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 10–11 ijunja 2016 goda [Petro primo, Catharina secunda: two monarchs, two epochs — succession, development, reforms, materials of the 8th International Petrovsky Congress]. St. Petersburg: Evropejskij dom, pp. 310–319.

Talalaj, M. G. (2017) “Ital’janskij vektor vneshnej politiki Rossii v XVIII stoletii” [“The Italian vector of Russia's foreign policy in the 18th century”], in *Petro primo, Catharina secunda: dva monarha, dve jepohi — preemstvennost', razvitie, reformy, materialy VIII Mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 10–11 ijunja 2016 goda* [Petro primo, Catharina secunda: two monarchs, two epochs — succession, development, reforms, materials of the 8th International Petrovsky Congress]. St. Petersburg: Evropejskij dom, pp. 302–309.

Talalaj, M. G. (2014) “Russkaja armija v Italii v 1799 g.: Osvobožhdenie ili okkupacija?” [“The Russian army in Italy in 1799: Liberation or occupation?”], in *Rossija — Italija: kul’turnye i religioznye svjazi v XVIII–XX vekah* [Russia — Italy: cultural and religious ties in the 18–20th centuries]. St. Petersburg: Aletejja, pp. 45–54.

Alfieri, V. (1861) “Vita scritta da esso”, in Alfieri, V. *Vita Giornali Lettere*. Firenze: Le Monnier, pp. 93–95.

Beccaria, Cesare (1765) *Dei delitti e delle pene*. Lausanna [i. e. Livorno]: [Marco Coltellini].

Berkov, P. (1966) “Cesare Beccaria e la Russia”, in *Atti del Convegno internazionale su Cesare Beccaria (Torino, 4–6 ottobre 1964)*. Torino: Accademia delle Scienze, pp. 253–277.

Biema, Eduard van (1898–1899) “Stiépan, Annibale, Prince d’Albanie. Un aventurier au XVIIIe siècle, d’après des documents inédits des archives d’Amsterdam”, *La Nouvelle Revue*, 1898, 20(114), pp. 498–518, 683–700; 1899, 21(115), pp. 88–107.

Caglioti, Vincenzo (1998) *Casanova e la scienza*. Bergamo: Moretti e Vitali.

Casanova, G. (1769) *Confutazione della Storia del Governo veneto D’Amelot de la Houssaie. Divisa in tre Parti (I parte)*. Amsterdam: Presso Pietro Mortier.

Casanova, G. (2004) *Histoire de ma vie. Édition intégrale, Wiesbaden-Paris, Brockhaus-Plon, 1960–1962*. Trad. it. di P. Chiara e F. Roncoroni. Storia della mia vita. A cura di Piero Chiara e Federico Roncoroni. [Milano]: Mondadori.

Casanova, G. (1788) *Icosameron ou histoire d’Edouard, et d’Elisabeth qui passèrent quatre-vingts ans chez les Mégramicres habitante aborigènes du Protocosme dans l’intérieur de notre globe, traduite de l’anglois par Jacques Casanova de Seingalt Vénitien Docteur ès lois Bibliothécaire de Monsieur le Comte de Waldstein seigneur de Dux Chambellan de S.M.I.R.A.* Prague.

Casanova, G. (1969) “Lettera del settembre 1765”, in Casanova, G. *Epistolario [1759–1798]*. A cura di P. Chiara. [Milano]: Longanesi, p. 35.

Cizova, T. (1962) “Beccaria in Russia”, *The Slavonic and East European Review*, 40(95), pp. 384–408.

Componimenti poetici di varj autori in lode di Caterina II, augustissima imperatrice di tutte le Russie (1771). Napoli: Rinaldi.

Componimenti poetici di varj autori in lode di S. E. il Signor Conte Alessio Orlow, plenipotenziario e comandante supremo delle arme russe in Levante (no date).

Frédéric (1776) “Lettera VI. Du Roi de Prusse au Comte de Zannowick”, in Zannovich, S. *Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio*. Costantinopoli, pp. 73–74.

Gherbezza, E. (2007) «*Dei delitti e delle pene*» nella traduzione di Michail M. Scerbatov. Firenze: University Press.

Grismondi, Secco Suardo P. (1788) *A Caterina II Imperatrice di tutte le Russie*. Parma: Bodoni.

Henry, Charles (1882) “Les connaissances mathématiques de Jacques Casanova”, *Bullettino di Storia e Bibliografia delle Scienze Matematiche*, 15, pp. 637–669.

Mauri, A. (1933) “La cattedra di Cesare Beccaria”, *Archivio Storico Lombardo*, 60, pp. 204–225.

Mortier, Roland (2000) *Le “Prince d’Albanie”. Un aventurier au siècle des Lumières*. Paris.

Nye, J. (1990) *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.

Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Opere del Cavaliere Giuseppe Colpani di Brescia. Nuova, e compita edizione (1784–1794) in 5 vols. Vicenza: Turra.

Parini, G. (2013) *Odi*. A cura di M. D’Ettorre, introduzione di G. Baroni. Pisa-Roma: Serra.

Roth, Suzanne (1980) *Aventure et aventuriers au XVIIIe siècle. Un essai de sociologie littéraire*. Lille.

Salvadè, A. M. (2014) “‘Augusta dominatrice del Nord’: Caterina II nell’immaginario letterario italiano del Settecento”, *Studi sul Settecento e l’Ottocento*, 14, pp. 25–37.

Simeoni, Gianluca (2017a) “Da pari a pari. Il rapporto con i potenti di due avventurieri: Stijepan Zannovic e Giacomo Casanova”, in *L’Italianistica oggi: ricerca e didattica*. Atti del XIX Congresso dell’ADI — Associazione degli Italianisti (Roma, 9–12 settembre 2015). A cura di B. Alfonzetti, T. Cancro, V. Di Iasio, E. Pietrobon. Roma: Adi editore.

Simeoni, Gianluca (2017b) “Le lettere mai spedite o quasi di due avventurieri. La finzione epistolare nell’attività letteraria di Giacomo Casanova e Stjepan Zanno-

wich”, in *Le carte false. Epistolarità fittizia nel Settecento italiano*. A cura di Fabio Forner, Valentina Gallo, Sabine Schwarze, Corrado Viola. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura.

Sinigaglia, R. (2002) *Rapporti diplomatici fra Russia e Genova. La missione Mordvinov (1782–1786)*. Genova: Coedit.

Straub, Enrico (1978) *Rapporti di Giacomo Casanova con i paesi del Nord. A proposito dell'inedito “Prosopopea Ecaterina II” (1773–74)*. Venezia: Centro Tedesco di Studi Veneziani Quaderni.

Stroev, Alexandre (1997) “Voltaire et les aventuriers de la République des Lettres”, in *Voltaire et ses combats: actes du congrès international, Oxford-Paris, 1994. Vol. II*. Ed. by Ulla Kölving, Christiane Mervaud. Oxford, pp. 1227–1236.

Venturi, F. (1953) “Beccaria in Russia”, *Il Ponte*, 9, pp. 163–174.

Viaggio a Parigi e Londra (1766–1767). Carteggio di Pietro e Alessandro Verri (1980) A cura di Gianmarco Gaspari. Milano: Adelphi.

Watzlawick, Helmut (1999) *Bio-bibliographie de Stefano Zannowich*. Geneva.

Zannovich, S. (1772) *Il genio buono dell'umanità. Ode a sua M. I. Caterina II Imperatrice di tutte le Russie*. Parigi.

Zannovich, S. (1776a) “Lettera a Catterina [sic] II. Imperatrice di tutte le Russie”, in Zannovich, S. *Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio*. Costantinopoli, pp. I–V.

Zannovich, S. (1776b) “Lettere Turche. Lettera IV. A S.M.P. Federico II. il Grande”, in Zannovich, S. *Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio*. Costantinopoli, pp. 63–64.

Zannovich, S. (1776c) *Lettere turche raccolte e stampate da Stiepan Pastorvecchio*. Costantinopoli.

Zannovich, S. (1783) *Stiepan-Annibale d'Albanie, à Frédéric-Guillaume de Prussie. Êpître Pathétique, Philosophique, Historique, &C. ou L'Alcoran des princes destinés au trone, Traduit de la dixième Édition Italienne, par main de Maître*. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale.

Информация об авторе: Джованни Пирари — научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Giovanni Pirari — Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Na-

tional Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023;
принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 10.12.2023.